

— Тогда я смогу каждый день смотреть на рыбок? — наивно спросил Хань Цзинь.

Услышав это, Е Тан не смог сдержать улыбку:

— Ты так любишь рыбок?

— Люблю, — сразу же кивнул Хань Цзинь. — Я умею их рисовать. Покажу тебе.

С этими словами он взял кисть, чтобы начать рисовать, но вдруг остановился.

Эти задания он должен был ежедневно показывать вдовствующей императрице, и он не мог просто так разрисовывать их, иначе его ждало бы наказание.

В этот момент Е Тан уже достал свой веер и развернул его перед Хань Цзинем:

— Рисуй здесь. Вдовствующая императрица не заметит.

Хань Цзинь повернулся к Е Тану с широкой улыбкой и нарисовал на веере двух черных рыбок.

— Красиво? — с ожиданием посмотрел он на Е Таня.

— Да, красиво, — кивнул тот с улыбкой.

Тогда Хань Цзинь вручил кисть Е Тану:

— Теперь ты.

Е Тан слегка улыбнулся, повторил рисунок, и его рыбки получились даже лучше, чем у Хань Цзиня. Тот широко раскрыл глаза.

— Брат Тан, ты такой умелый! — искренне восхитился Хань Цзинь.

В то время Е Тан быстро учился всему, и такие вещи для него не представляли сложности. С детства он слышал множество похвал, но слова Хань Цзиня тронули его.

Они провели весь день, рисуя рыбок, пока веер Е Таня не был полностью заполнен.

После ужина, когда уже стемнело, Хань Цзинь все еще не закончил свои задания, и Е Тану пришлось остаться с ним в кабинете, чтобы помочь.

Е Тану было все равно, он обычно засиживался за книгами допоздна, но Хань Цзинь через два часа уже еле держался на ногах.

— Брат Тан... — Хань Цзинь потер глаза и легонько потянул за рукав Е Таня.

Тот поднял голову от книги и посмотрел на него:

— Что случилось?

— Я так хочу спать, — тихо и с ноткой обиды проговорил Хань Цзинь.

Е Тан вздохнул. Он хотел бы позволить ему отдохнуть, но утром вдовствующая императрица проверит задания Хань Цзиня, и если они не будут выполнены, обоим достанется.

— Сколько осталось? — мягко погладив волосы Хань Цзиня, Е Тан слегка сжал его за шею,

голос его был полон нежности.

— Осталось переписать десять стихотворений, — опустив голову, тихо ответил Хань Цзинь.

Десять стихотворений могли занять у него всю ночь.

Даже Е Тану пришлось бы писать до глубокой ночи.

— Брат Тан... Я больше не могу... — Хань Цзинь слегка прикусил губу и, как будто капризная, обнял Е Таня за талию.

Тот мягко похлопал его по руке:

— Отпусти. Я же говорил, что нельзя так себя вести с братом Таном?

Обычно Е Тан не позволял Хань Цзиню проявлять слишком много нежности, только иногда, когда тот вел себя особенно хорошо, он разрешал ему обниматься.

Не то чтобы ему не нравилось, когда Хань Цзинь так капризничал, но он не мог позволить вдовствующей императрице заподозрить что-то. Даже если здесь никого не было, если они слишком часто будут так себя вести наедине, Хань Цзинь может привыкнуть и начать вести себя так же при ней.

Хань Цзинь неохотно отпустил Е Таня.

— Спи, — посмотрев на него, Е Тан мягко похлопал себя по колену.

Хань Цзинь уже был слишком уставшим, и, увидев, что Е Тан разрешил ему спать, послушно улегся на его колени, инстинктивно пытаясь снова обнять его за талию.

— Ваше высочество, — с легким упреком произнес Е Тан.

Хань Цзинь послушно убрал руки и закрыл глаза.

Е Тан подвинул к себе масляную лампу, поправил фитиль, чтобы пламя стало ярче, и взял оставшиеся стихотворения Хань Цзиня.

Он мог подделать почерк Хань Цзиня, и вдовствующая императрица не заметила бы подмены.

Е Тан писал очень внимательно, и в зале слышался только звук кисти и ровное дыхание Хань Цзиня.

Написав половину, Е Тан почувствовал, что рука устала, и остановился, чтобы отдохнуть.

Он посмотрел на Хань Цзиня, спавшего у него на коленях, накрыл его своим плащом и продолжил писать.

Внезапно перед глазами возникла похожая сцена.

Е Тан понял, что он все еще стоит на коленях на холодном полу императорского кабинета, а Хань Цзинь уже уснул рядом.

Спустя некоторое время он опустил глаза, не желая вспоминать прошлое.

Теперь это был величественный императорский кабинет, а не маленький дворец, где наследник престола занимался ночью.

В этот момент через неплотно закрытую дверь ворвался холодный ночной ветер, заставив Е Тяня содрогнуться, а Хань Цзинь, спящий рядом, нахмурился.

Е Тан задумался, стоит ли закрыть дверь, как Хань Цзинь проснулся.

— Ваше величество, — посмотрел на него Е Тан.

Хань Цзинь сел и, при тусклом свете свечи, долго смотрел на Е Тяня, а затем усмехнулся и легонько похлопал его по щеке.

— Сколько ты уже стоишь на коленях? — спросил он.

— Более трех часов, — спокойно ответил Е Тан.

Хань Цзинь цыкнул и снова похлопал его по щеке, на этот раз чуть сильнее, но все же не больно, хотя в тишине ночи звук был громким.

— Молодец, продолжай стоять, — равнодушно произнес он.

Е Тан предположил, что он немного очнулся и снова решил его мучить, поэтому промолчал и продолжил стоять на коленях.

Через некоторое время Хань Цзинь медленно встал и сел рядом с Е Танем, так близко, что тот почувствовал его теплое дыхание на своей шее.

Затем Хань Цзинь похлопал Е Тяня по бедру:

— Ну же, встань прямо.

Е Тан, который сидел, сложив ноги, слегка сжал губы и послушно выпрямился.

— Ты стоял на коленях три часа. Наставник уже все обдумал? — спросил Хань Цзинь, глядя на него.

— Да, я все обдумал, — опустил глаза Е Тан.

Хань Цзинь посмотрел ему в глаза, а затем внезапно потянул его к себе, усадив на свои колени.

— Ваше величество? — с вопросом посмотрел на него Е Тан.

— Говори, я слушаю. Если твои размышления недостаточно глубоки, то продолжай стоять, — обняв Е Тяня за талию, Хань Цзинь положил руку на его пояс, как будто раздумывая, стоит ли его развязать.

Е Тан начал говорить, следуя словам Хань Цзиня:

— Ваше величество, вы были правы. Мне следовало быть более сдержанным, а не стремиться решать все проблемы быстро. Дать человеку рыбу — не то же самое, что научить его ловить рыбу. Нужно позволить им самим разбираться и совершенствовать систему, чтобы лучше управлять подчиненными.

Его слова были безупречны, и Хань Цзинь не смог бы найти в них изъянов.

Посмотрев на Е Тянь некоторое время, Хань Цзинь все же отпустил его:

— Ладно, я сегодня устал. Постой еще немного и иди.

С этими словами он отпустил Е Тянь и ушел.

Е Тан остался сидеть на месте еще некоторое время, прежде чем уйти.

Выйдя из императорского кабинета, он слегка пошатнулся, оперся на дерево и резко выплюнул кровь, его лицо побледнело.

Е Тан закрыл глаза, пытаясь достать платок из рукава, но обнаружил, что его нет.

Он слегка кашлянул и поднял глаза на луну в ночном небе, его взгляд был рассеянным.

Спустя долгое время он тихо прошептал:

— Хань Фунянь... Как мы дошли до этого?..

Вернувшись во дворец Яньцин, Е Тан внезапно заболел, чувствуя себя слабым и изможденным.

На самом деле он давно знал, что серьезно заболеет.

Ведь последние события почти сломили его, и тело, не выдержав, поддалось болезни.

На следующий день Е Тан обнаружил, что у него жар, постоянный кашель и боль в горле, из-за которой он не хотел говорить.

Так он провел два дня, продолжая болеть, пропуская аудиенции и избегая встреч с Хань Цзинем.

Хотя он не участвовал в государственных делах, он слышал слухи, что в последние дни министры снова уговаривали Хань Цзиня как можно скорее назначить императрицу и расширить гарем, и, похоже, он из-за этого несколько раз выходил из себя.

На третий день Е Тан почувствовал себя еще хуже, едва съев несколько кусочков за завтраком.

<http://bllate.org/book/16216/1456151>